

ГОЛОСА МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

УДК 821.161.1.09

АНТИВОЕННЫЕ ТРАДИЦИИ Л. Н. ТОЛСТОГО В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ О ВОЙНЕ

Е. В. Задонская

Тверской государственный университет
кафедра журналистики и новейшей русской литературы

Литература о войне – явление глубоко традиционное и постоянно развивающееся. Её феномен заключается в очевидном стремлении продолжить традиции классической русской литературы, одновременно проявляя полемику с её отдельными постулатами. Данная статья посвящена рассмотрению влияния антивоенных традиций, заложенных Л.Н. Толстым на современную русскую прозу о войне. В художественный мир авторов нашего времени прочно вошли такие толстовские приёмы как антитеза, распределение героев на разные типы военных, провозглашение философии «непротивления» и другие.

Ключевые слова: *литературные традиции, новаторство, антивоенные традиции, символы, сравнение, русский национальный характер, «бродячий сюжет», интертекстуальность.*

Сквозным мотивом военного творчества Л. Н. Толстого является конфликт естественного течения жизни и таких побочных эффектов цивилизованной жизни человечества, как война. Во всей полноте этот конфликт был воплощён в романе «Война и мир». До сих пор в литературе не создано ни одного произведения, содержащего в себе столь всеобъемлющего изображения русской жизни, изображающего человека до, во время и после войны. Толстовские антивоенные традиции преобладают в творчестве В. П. Астафьева («Весёлый солдат», «Прокляты и убиты»). Отголоски толстовской манеры описания характера в его эволюции чувствуются в произведениях Г. Н. Владимова. В. С. Маканин, создав рассказ «Кавказский пленный», не только подчёркивает цикличность истории, вечность толстовских антивоенных традиций, но и вступает в полемику с русской классической литературой.

Примечательно, что «в военной прозе 1950-х – середины 1980-х гг. доминирующей, наиболее полно проявившейся является антивоенная традиция прозы Л. Н. Толстого» [8, с. 76]. Л. Плоткин объяснил сходство литературы о Великой Отечественной войне и об Отечественной войне 1812 года тем, что перед писателями, описывающими военные события, стояли одинаковые задачи [4]. Необходимо было показать их масштабность, важность результата для существования страны в целом.

Следуя традиции своих предшественников, описывающих события Великой Отечественной войны, Г. Н. Владимов в своём романе «Генерал и его

армия» неоднократно упоминает Л. Н. Толстого, его роман «Война и мир» и события, происходившие в имении «Ясная поляна» во время войны. Все это у современного прозаика обретает символический смысл. Усадьба Ясная Поляна символизирует Россию и воспринимается как своеобразное зеркало, «в которое, наверное, любили смотреться дочери Толстого» [2, с. 84]. Ворота имения воспринимаются как русские крепости и города, тормозящие движение немецкой армии по стране («Белые башни ворот показались ... бастионами, которые всякий раз приходится брать заново...» [2, с. 83–84]), аллеи в парке ассоциируются с дорогами судьбы героя («поднимаясь к усадьбе аллеей могучих лип, он чувствовал, что поднимается к самому значительному за всю его жизнь решению ...» [2, с. 84]). Символизм происходящего чувствует немецкий генерал Гудериан, который, оказавшись на постое в доме Толстого, читает «Войну и мир», силясь понять причины поражения Наполеона в войне 1812 года, разгадать загадочную русскую душу, «способность народа безропотно – и без жалости – пожертвовать всем, не посчитаться ни с каким количеством жизней» ...» [2, с. 91].

Немецкий и русские генералы Гудериан и Кобрисов противопоставлены Владимовым друг другу, как когда-то Наполеон и Кутузов в романе Толстого. К этому приёму прибегает и З. Прилепин в романе «Патологии» (2004), противопоставляя нормальность мирной жизни её патологии как отголоски войны в Чечне. Этот же приём использует

Г. Н. Владимов, противопоставляя Гудериана и Кобрисова как хороших стратегов и ответственных военачальников тщеславному и поверхностному Терещенко, шутовскому Хрущёву и жестокому Сталину. У Толстого, Прилепина и Владимова война – это убийство миллионов людей. И как говорил Толстой, всех судов мира не хватит, чтобы убийцы были осуждены. Ещё более тяжким преступлением эти авторы считают убийство собственного народа, когда «три слоя народа ложатся и заполняют неровности земной коры, четвёртый – ползёт по ним к победе» ...» [2, с. 134]. У Прилепина это выглядит как «завал трупов под окном...» [5, с. 331], «пацаны, наваленные друг на друга...» [5, с. 330]. Владимову действительно симпатичнее «железный Гейнц» [5, с. 330], чем заискивающий Терещенко. Прилепин на стороне многострадального русского солдата, страдающего от глупых приказов начальства больше, чем от боевиков.

Традиция Толстого раскрывать характеры героев через сравнение их между собой получила у Владимова новое звучание: герои противопоставляются друг другу, а к этому добавляется проведение параллелей с героями классики. К примеру, Гудериан противопоставлен Кобрисову в романе Владимова и Наполеону в эпопее Толстого, Кобрисов – Терещенко, Гудериану и Кутузову, Андрей Донской – Шестерикову и Андрею Болконскому, Майя Афанасьевна – себе самой в молодости и Наташе Ростовой.

Используя столь сложную схему сравнений, автор решает несколько важных художественных, исторических и философских задач. Историческая задача заключается в том, что писатель стремится подчеркнуть цикличность истории, обнаруживая сходство Великой Отечественной с Отечественной войной 1812 года, главенствующую роль народа в исходах войн. Решая

художественную задачу, писатель даёт оценку действиям своих героев, эфемерно столкнув их с героями «Войны и мира». Например, Владимов по толстовской традиции описывает адъютанта Кобрисова, уделяя большое внимание мимике героя, его жестах, взглядам, походке, снабжает его облик «говорящими» деталями – и всё это описание чуть-чуть напоминает облик Болконского из «Войны и мира». «Почти» Болконский – Андрей Донской читает «Войну и мир», наслаждаясь строками о «чуть не главном герое эпопеи» ...» [2, с. 35], которого любила «чуть не главная героиня» ...» [2, с. 35]. «Неполная» книга, неполное сходство в имени (оба героя Андрей Николаевичи, но с разными фамилиями) – всё это по-толстовски оценочно характеризует героя Владимирова.

Третья задача, которую Владимов решает с помощью проведения параллелей с романом-эпопеей Толстого, – это одна из сложнейших задач русской литературы в целом и военной литературы в частности: понять русский национальный характер. Философские размышления о роли «загадочной русской души» в исходах двух отечественных войн характерны для произведений Толстого и Владимирова. Силы французской и немецкой армий в XIX и XX веках подтачиваются врагом, «который, потеряв половину войска, стоял так же грозно в конце, как и в начале сражения» ...» [2, с. 89], а «факты говорят очевидно, что ни Наполеон не предвидел опасности в движении на Москву, ни Александр и русские военачальники не думали тогда о заманивании Наполеона, а думали о противном. Завлечение Наполеона вглубь страны произошло не по чьему-нибудь плану (никто и не верил в возможность этого), а произошло от сложнейшей игры, интриг, целей, желаний людей – участников войны, не угадавших того, что должно быть, и того, что было единственным спасением России» [6, с. 103–104]. Странная русская незлобивость и способность к всепрощению, трудолюбие, кротость воспета была Толстым в образе Платона Каратаева, позже подхвачена Владимиром и была воплощена в образе Шестерикова.

Изучая антивоенные традиции Л. Н. Толстого, невозможно не опираться на утверждение писателя о делении солдат на три типа, каждый из которых он подробно описал в рассказе «Рубка леса»: «Главные эти типы, со многими подразделениями и соединениями, следующие: 1) Покорных. 2) Начальствующих и 3) Отчаянных. Покорные подразделяются на а) покорных хладнокровных, б) покорных хлопотливых. Начальствующие подразделяются на а) начальствующих суровых и б) начальствующих политических. Отчаянные подразделяются на а) отчаянных забавников и б) отчаянных развратных» ...» [7]. Владимовский Шестериков ближе всего к типу «покорных хлопотливых» так же, как и Платон Каратаев с его смирением и безотчётной любовью к людям, трудолюбием и желанием заниматься бытом, работать на земле, а в войну жизнь свою отдать за родную землю, следуя заветам отцов и дедов. Появление такого человека в произведении о войне – яркий признак «толстовства», симпатий автора к философскому учению Л. Н. Толстого о непротивлении злу насилием.

Спор с великим философом и писателем продолжил в новейшей литературе В. С. Маканин своим рассказом «Кавказский пленный» (1994). Ни одно из современных военных произведений не имеет столь тесных связей с

кавказскими рассказами Толстого, как это. Однако Маканин не подражает классику, а вступает с ним в спор. Сходство нового рассказа с толстовским Маканин выставляет напоказ – название, явно отсылающее к «Кавказскому пленнику» (1872), «бродячий сюжет» в русской литературе о пленении в условиях войны на Кавказе, использованный А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым и Л. Н. Толстым. Классический сюжет об одном пленном сменяется многоплановым сюжетом о героях, которые пленены Кавказом. Главный герой пленён красотой Кавказа, которая не отпускает его домой уже несколько лет. Рубахин находится в плену у войны. Она длится вечно, и литературный сюжет, заимствованный у классиков, – явное тому подтверждение.

О полемичности рассказа говорит прежде всего его интертекстуальность: общеизвестная фраза Достоевского о том, что «красота спасёт мир», вплетена в текст, но любование красотой на войне, описанной Маканиным, не спасает, а губит чеченского юношу, ефрейтора Бояркова, душу Рубахина.

Красота – это отголосок мира, который слабо слышен на войне за выстрелами и криками. Рубахин не понял, «что, собственно, красота гор хотела ему сказать? Зачем окликала?» [3, с. 50]. Он убивает чеченского пленника, чтобы спасти себя, Вовку-стрелка, остальных солдат. Кажется, это убийство оправдано необходимостью, но духовная смерть Рубахина тоже очевидна: он собирается вернуться домой, однако читателю ясно, что герой этого не сделает. Так, за очередным пластом маканинского текста – за полемикой с классической литературой – скрывается пласт антивоенных толстовских традиций – таких, как отсутствие ненависти к врагам и уважение к их быту, внимательное отношение к подоплёке действий героев, интерес как к простому солдату, так и к людям «в чинах», симпатия автора к человеку «из народа» и, что самое главное, полное соответствие учению Л. Н. Толстого о «непротивлении».

Осуждение любой войны как явления, противоречащего человеческой природе и устоям христианства, продолжил в своём творчестве В. П. Астафьев. Работая над романом «Прокляты и убиты» и повестью «Весёлый солдат», писатель опирался на антивоенные традиции Л. Н. Толстого. Среди наиболее ярких проявлений толстовских традиций учёными отмечены следующие:

1. В основе произведений лежит личный опыт пребывания автора на войне.
2. Отсутствие ненависти к врагу, понимание равенства и подневольного положения солдат всех вражеских армий. Непримируемость с властью, не жалеющей людской резерв.
3. Осознание войны как узаконенного убийства.
4. Авторские симпатии находятся на стороне выходцев из простого народа, тружеников, сменивших соху на автомат.

Традиционной можно назвать опору В. П. Астафьева на «Севастопольские рассказы» и «Войну и мир» как на источник близких писателю по духу умозаключений и способах передачи антивоенных настроений. Астафьев, наследуя традиции создателя «Войны и мира», прежде

всего развивает его народную линию, представляя Великую Отечественную войну подлинной трагедией русского народа. «Следуя за Толстым, писатель стремился понимать человека во всей его объемности, со всеми его сложностями, противоречиями, порой чудовищными» [7].

Поистине новаторский характер отрицания войны носит способ использования толстовских традиций в рассказе Маканина: автор, выставляя напоказ сходство с Толстым (прежде всего, название произведения, «бродячий сюжет»), вступает в спор с классиком и изображает не народную войну, преобладание жестокости над гуманностью, победу войны и смерти над красотой. Показательно, что использование столь сложного художественного приёма лишь подчёркивает сходство взглядов Толстого и Маканина как на трагедию не только русского, но и кавказского народов. Все последователи Толстого любят в своих книгах «мысль народную», уделяя внимание исследованию внутреннего мира людей простых, выходцев из народа. Вслед за создателем таких героев, как Платон Каратаев и Поликушка, современные писатели-баталисты прибегают к основным формам психологизма, что предполагает первичность внешних проявлений характера персонажа («говорящая» фамилия, мимика, поза, жесты, улыбка) и вторичность его внутренних особенностей.

Список литературы:

1. Астафьев, В. П. Творец и мыслитель [Электронный ресурс] / В. П. Астафьев – Режим доступа: // http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_1610.shtml. – Дата обращения: 12.07.2012. – Загл. с экрана
2. Владимов, Г. Н. Собрание сочинений [Текст] : в 4 т. / Г. Н. Владимов. – М.: «NFQ/2PRINT», 1998. – Т. 3 : Генерал и его армия. – 462 с.
3. Маканин, В. С. Асан [Текст] / В. С. Маканин. – М. : Эксмо, 2008. – 480 с.
4. Плоткин, Л. Литература и война. Великая Отечественная война в русской советской прозе [Текст] / Л. Плоткин. – М., Л. : Советский писатель, 1967. – 358 с.
5. Прилепин, З. Патологии [Текст] / З. Прилепин. – М. : ООО «Ад Маргинем Пресс», 2008. – 352 с.
6. Толстой, Л. Н. Война и мир [Текст] / Л. Н. Толстой. – М. : ВАП, 1995. – 733 с.
7. Толстой, Л. Н. Рубка леса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0180.shtml. – Дата обращения: 20.10.2012. – Загл. с экрана.
8. Хасанова Г. Ф. Военная проза 1950-х – середины 1980-х гг. в контексте литературных традиций [Текст] : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Г. Ф. Хасанова ; Брянский гос. ун-т им. И. Г. Петровского. – Брянск, 2009. – 211 л.

**THE LEO TOLSTOY'S ANTI-WAR TRADITION IN MODERN RUSSIAN
PROSE ABOUT THE WAR**

E. V. Zadonskaya

Tver State University

The department of journalism and modern russian literature

Literature about the war is a deeply traditional and constantly evolving phenomenon. Its phenomenon is in evident desire to continue the tradition of classical Russian literature, while showing controversy with its individual postulates. This article is devoted to the influence of anti-war traditions rooted by Leo Tolstoy on the modern Russian prose about the war. Such Leo Tolstoy's techniques as a antithesis, the distribution of different types of characters during the war, the proclamation of the philosophy of "non-resistance" and others have become the part of the art world of the modern authors.

Key words: *literary tradition, innovation, anti-war traditions, symbols, comparison, Russian national character, «a wandering story», intertextuality.*

Об авторах:

ЗАДОНСКАЯ Елена Вячеславовна – аспирант кафедры журналистики и новейшей русской литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: ez1404@mail.ru